

Ее хотели сделать тенью,
а она отбрасывала свет

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Идея издания принадлежит ведущему научному сотруднику РГАЛИ К. Н. Суворовой. Огромную текстологическую работу и подготовку сложнейшего оригинал-макета к печати она вела до самой своей смерти в 1992 году. Ее труд завершила группа публикаторов во главе с К. Кириленко. В результате мы держим в руках том, по объему в несколько раз превосходящий самое полное собрание лирики Ахматовой. Большая заслуга в том, что книга пришла к читателю, принадлежит Вадиму Черных.

Иосиф Бродский, познакомившись с Анной Андреевной, сказал: «У нее нельзя научиться писать стихи, но можно научиться жить». Свои записные книжки сама Ахматова как-то назвала «книгой жизни».

«Я стояла на прокурорской лестнице, — описывает она очередь в «Крестах». — С моего места было видно, как мимо длинного зеркала (на верхней площадке) шла очередь женщин. Я видела только чистые профили — ни одна из них не взглянула на себя в зеркало». Это зеркало потом отразится в зеркалах Фонтанного Дома, как «Реквием» Ахматовой отражается в «Поэме без Героя». Вот запись о Поэме в книжках Анны Андреевны: «...этот волшебный напиток, лиясь в сосуд, вдруг густеет и превращается в мою биографию, как бы увиденную кем-то во сне или в ряде зеркал<...> Тени притворяются теми, кто их отбросил».

Анна Андреевна не написала воспоминаний, но сколько удивительных свидетельств рассыпано по ее записным книжкам! «В голодную зиму (19—20?) я встретила Блока в театральной столовой (на Миллионной). Он сказал: «Здесь все встречаются, как на том свете».

Читая записи Ахматовой, ясно осознаешь, насколько она существует **внутри** мировой

культуры. Но даже это качество могло ставиться ей в вину. Черновой набросок 3-й части «Пролога». Свидетели обвинения наперебой спешат дать показания:

Первый: Зброшена к нам неприятелем и спустилась на парашюте.

Новая газета. — 1998 — 28 июля — 3 авг. — с. 14

Гениальность измеряется Аннами

В городе Турине увидели свет 23 записные книжки Анны Ахматовой. Все ее сохранившиеся черновые записи с 1958-го по 1966 год. Это совместная работа Российского государственного архива литературы и искусства и итальянского издательства Einaudi. Из всего тиража на родину поэта прибыла одна тысяча экземпляров книги...

Второй: При мне хвалила Джойса.

Старый поэт: Давала световые сигналы немцам.

Наконец не выдержавшая X: Откуда?

Старый поэт: Не важно откуда — важно куда.

Но, оказывается, важно не только куда, но и откуда. За каждой строкой Ахматовой тянется драгоценный шлейф ассоциаций. Ее собеседниками в вечности становятся Вергилий и Достоевский, Шекспир и Бодлер.

«...Когда недоброжелатели насмешливо спрашивают: «Что общего между Гумилевым, Мандельштамом и Ахматовой?» — мне хочется ответить: «Любовь к Данте», — писала она.

Ахматова пристрастна? Конечно. Всегда. Говорит ли она об Иисусе, Будде, Конфуции или о Данте, Мандельштаме, Модильяни... «Будда с непре-

менным требованием уничтожения страдания противоположен религии Страдающего Бога. В этом есть что-то хлопотливое, чуть-чуть хозяйственное и даже близкое Кон-Фу-Дзы — Великому Устроителю Великого Порядка. То ли дело заумные пустоты Лао-Дзы (дао)»

А вот любовно о Мандельштаме: «Чудак? Конечно, чудак. ...при О<сипе> нельзя было никого хвалить, он сердился, спорил, был несправедлив, заносчив, резок. Но если бы вы вздумали этого же человека порицать при нем — произошло бы то же самое, он бы защищал его изо всех сил».

Ахматова бывала несправедлива? Пожалуй. Но странным образом это ей идет, придает ее царственным чертам трогательность и человечность. Вот Анна Андреевна досадует по поводу воспоминаний о Николае Гумилеве «трех дементных старух» (В. Неизвестном, А. Гумилевой и И. Одоевцевой), «которые к тому же уже ничего не помнят». И рядом резкая отповедь г-ну Р. Рауне — автору предисловия: «А это что? Здесь больше ошибок, чем слов! Невольно хочется повторить столь часто слы-

шимое в моей молодости возмущенное восклицание: «Неужели нет закона, запрещающего собакам вход на кладбище?!»

Записные книжки содержат не только варианты стихотворений, отрывки воспоминаний, планы литературоведческих статей, но также адреса и телефоны знакомых, подробности быта (пенсия — 40 руб., купить подарки маме Любочки, мне — хороший eau-de-Cologne). Перечни переведенных стихотворений и — в столбик — суммы гонимых за них. Выдержки из писем и обрывки разговоров — весь божественный сор жизни, каждая деталь которого легко становится предметом поэзии.

Вот, например, запись разговора с Б. Пастернаком: «Я сказала: «Вы должны написать Фауста». Он смутился: «Т.е. как? — Перевести?» — «Нет, написать своего». Не отсюда ли слово «доктор» при Живаго?»

Или отрывок из письма Анны Андреевны к Э. Бабаеву, написанного в Комарове в 1960 году: «Ваше письмо замечательно тем, что, когда я открываю его, чтобы перечитать, там всякий раз написано что-то другое. Я первый раз встречаюсь с таким явлением — как вы этого достигли? Вчера, например, я вычитала там вещи уж совсем невероятные».

Следя за правкой текста «Поэмы без Героя» в записных книжках, я взяла в руки том Ахматовой, чтобы снова перечитать «Поэму». И поняла, что в ней всякий раз написано что-то другое и подчас совсем уж невероятное. Как вы этого достигли, Анна Андреевна?

● Елена ПЕГОВА